

УДК 94(510).08+303.446.4(47+517.3)

Монгольский мир в начале XX в. в условиях революционного подъема: современная российско-монгольская историография¹

Л. В. Курас

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Аннотация. В статье на основе современной российской и монгольской историографии прослеживаются развитие революционного движения монгольского мира с 1911 по 1921 г. и влияние на этот процесс российской революции 1905–1907 гг., Синьхайской революции 1911–1913 гг., дипломатических шагов внешнеполитического ведомства Российской империи, а также И. Я. Коростовца и VIII Богдо Джебцзундамбахутухты. Результатом этого стали подписание Русско-монгольского соглашения 1912 г., Русско-китайской декларации 1913 г., Кяхтинского тройственного соглашения и развитие панмонгольского движения, переросшего в идеологию монгольского мира. Особое внимание уделяется историографии российской революции 1917 г., которая оказала значительное влияние на революцию 1921 г. в Монголии.

Ключевые слова: монгольский мир, революционный подъем, российско-монгольская историография, Синьхайская революция, Русско-монгольское соглашение 1912 г., Русско-китайская декларация 1913 г., Кяхтинское тройственное соглашение, панмонголизм, Монгольское государство, И. Я. Коростовец, VIII Богдо Джебцзундамбахутухта.

Начало XX в. ознаменовалось ростом рабочего, демократического и национально-освободительного движения во всем мире, что было обусловлено обострением основных противоречий империализма.

После российской революции 1905–1907 гг. во многих колониальных и зависимых странах начался подъем буржуазно-демократического и национально-освободительного движения. Предпосылки подъема этого движения складывались в течение долгого времени. Они были порождены прежде всего непримиримыми противоречиями, которые существовали между немногочисленными метрополиями и эксплуатируемыми ими колониями и полуколониями. По мере усиления империалистического гнета и роста противодействующих ему сил эти противоречия углублялись, подготавливая революционный взрыв. Мощное

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии» № 14-18-00552.

влияние российской революции обострило кризис и послужило толчком к революционным выступлениям в ряде стран Востока. Наиболее емкую характеристику этим выступлениям дал В. И. Ленин: «Мировой капитализм и русское движение 1905 г. окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию» [69, с. 66]. Среди них: революция 1905–1911 гг. в Иране, младотурецкая революция 1905–1906 гг. и особенно Синьхайская революция в Китае 1911–1913 гг., оказавшая большое влияние на другие страны Востока – Корею, Вьетнам, Индонезию, Монголию. Русские революционеры-большевики в резолюции Пражской конференции РСДРП отмечали «мировое значение революционной борьбы китайского народа, несущей освобождение Азии и подрывающей господство европейской буржуазии...» [64, с. 435].

Поражение русской революции и успех Синьхайской революции побудили В. И. Ленина подготовить в 1912–13 гг. серию статей, в которых была дана социально-экономическая характеристика китайского общества начала XX в., вскрыта контрреволюционная сущность политики империализма в Китае, проанализированы расстановка классовых сил в ходе революции и программы политических партий, подчеркнута решающая роль народных масс в борьбе за освобождение Китая от династии Цин [63–67; 69].

Здесь следует отметить, что использование нами трудов В. И. Ленина – это не дань советской исторической традиции, когда его труды были канонизированы и рассматривались как аксиома. В данном случае это объективная оценка прагматика, который, следуя за реальными историческими событиями, смог уйти от уже сложившегося в начале XX в. европоцентризма и дать конкретную оценку политической ситуации, когда именно Восток определял будущее мироустройство. Поэтому следует особо подчеркнуть, что современная историография стоит «на плечах» своих предшественников, а советская историческая наука, основываясь на трудах В. И. Ленина, проделала большую работу по изучению различных аспектов Синьхайской революции [24; 85]. Еще более внушительную библиографию по проблеме создали китайские ученые, что также нашло отражение в советской историографии [23]. Поэтому не случайно, что в современной российско-монгольской историографии появилось принципиально новое направление, ставшее базовым в современном монголоведении и определившее основные этапы создания и развития монгольской государственности в первой четверти XX в.: Русско-монгольское соглашение 1912 г., Русско-китайская декларация 1913 г., Тройственное кяхтинское соглашение 1915 г., монгольская революция 1921 г., что нашло широкое отражение в монгольской, российской, китайской и американской историографии [103].

Таким образом, на современном этапе существует реальная научная база для изучения истории всего монгольского мира в условиях революционного процесса начала XX в.

Революционный процесс, результаты и последствия этого процесса для монгольских народов в первой четверти XX в. – это объект постоянного и при-

стального внимания российской и монгольской историографии, что обусловлено не только научной, но и социальной составляющей этой проблемы [5; 6; 21; 22]. Правда, этот процесс и его результаты традиционно рассматриваются российской и монгольской историографией отдельно относительно бурят, калмыков, тувинцев и монголов. Наиболее значимые среди современных публикаций, раскрывающих проблему, – это трехтомная «История Бурятии» [36], трехтомная «История Калмыкии» [37], многотомная «История Монголии» [38], «История Монголии. XX век» [39] авторского коллектива ИВ РАН, монографии С. К. Рощина [83], Н. Хишигт [105], О. Батсайхана [10] и др. Что касается тувинцев, то в двухтомной «Истории Тувы» [40] и в сборниках документов [28; 35] рассматривается лишь один сюжет – переход Тувы под протекторат Российской империи, закрепленный Кяхтинским соглашением 1915 г.

Между тем следует предпринять попытку рассмотрения революционного подъема в рамках монгольского мира в целом как реализации идеи панмонголизма, появившейся в умах лидеров бурятских национальных демократов и сторонников монгольской государственности, которая преобразилась в ходе исторического развития и превратилась в идеологию монгольского мира. В такой постановке проблемы современная историография делает лишь первые шаги. Так, в конце 90-х гг. XX в. нами предпринималась попытка рассмотрения панмонголизма как социокультурного фактора [60]. Несомненный интерес представляет точка зрения И. В. Саблина, который справедливо предлагает рассматривать события в Северной Евразии в первой четверти XX в. не с точки зрения национальной истории России, Монголии и Китая, а с точки зрения «глобальной, или транснациональной, истории» [84, с. 135–136]. По его мнению, именно такой подход позволяет оценить «аспекты развития национальных движений в Сибири и в Монголии, приведших среди прочего к созданию и частичной реализации проектов автономии Внешней Монголии (1915), бурятской национальной автономии (1917), монгольского федеративного государства (1919), буддийского теократического государства (1919), автономной бурят-монгольской (1923) и независимой монгольской республик (1924), но и реконструировать историю национализма как глобального дискурса, оказавшего в XX в. значительное влияние на властные отношения и постимперское переустройство во всех регионах мира» [84, с. 136].

История современной Монголии – органическая и неотъемлемая часть мировой истории, но особенно тесно она связана с историей соседей – России и Китая, с теми всемирно-историческими, революционными изменениями, которые произошли в этих странах в начале XX в. При этом особую роль в становлении монгольской государственности сыграла Синьхайская революция 1911–1913 гг. Именно поэтому в настоящей статье мы рассмотрим феномен Синьхайской революции (1911–1913 гг.) в данном контексте, который нашел свое отражение в работах современных российских и монгольских ученых, и ее последствия, выразившиеся в победе монгольской революции 1921 г. и образовании Монгольской Народной Республики.

В настоящее время российская и монгольская историография уделяет этим событиям значительное внимание [57; 61; 103]. При этом особо выделяются

следующие аспекты: 1) кризис Цинского двора в начале XX в. и его воздействие на нарастание политического и экономического кризиса в Монголии; 2) политика Российской империи в отношении Монголии в начале XX в.; 3) Синьхайская революция и провозглашение независимости Монгольского государства; 4) Русско-монгольское соглашение 1912 г. и Русско-китайская декларация 1913 г.; 5) Тройственное кяхтинское соглашение 1915 г.; 6) личность в истории: роль И. Я. Коростовца и VIII Богдо Джебцзундамба-хутухты в становлении монгольской государственности; 7) монгольская революция 1921 г. и образование Монгольской Народной Республики (МНР).

Кризис Цинского двора в начале XX в. и его воздействие на нарастание политического и экономического кризиса в Монголии

Особое направление современных российских исследований, так или иначе посвященных истории Синьхайской революции, представляет изучение историографии кризиса Цинской империи. Специфика проблемы заключается в том, что в российской историографии, главным образом, рассматриваются особенности императорского Китая начала XX в.: его политика, экономика, ментальность, религиозная составляющая. При этом подчеркивается, что нарушение этой специфики, связанной с приходом западной культуры и западных технологий, как раз и привело к Синьхайской революции и падению монархии. Наиболее ярким проявлением такого подхода является творчество Ю. В. Чудодеева [90]. Он совершенно обоснованно подчеркивает, что существование империи во многом предопределило такую особенность, как непрерывность социально-экономического, политического и культурного развития китайской цивилизации. При этом Китай тысячелетиями развивался как относительно замкнутая цивилизация. Это было обусловлено неизбежностью его идеологических, конфуцианско-традиционалистских, основ. Что касается регулярных династийных кризисов, то они обычно завершались падением одного и появлением очередного, нового монарха, что никак не влияло на сами устои традиционного общества. Вплоть до начала XX в. все эти процессы происходили циклично, без каких-либо системных изменений в китайском монархическом строе (см. концепцию демографических циклов С. А. Нефедова [81]). Ю. В. Чудодеев особенно подчеркивает суть государственного начала – целеустремленное выстраивание вертикали власти для авторитарного управления огромными людскими массами. Управление это «велось через огромный, разветвленный, тщательно подобранный и отфильтрованный бюрократический аппарат, который играл огромную роль в урегулировании отношений центра и периферии, между императором и его подданными, между властью и социальной оппозицией в каком бы то ни было виде» [90]. И вот эту замкнутость внутренне неизбежной монархической системы Китая нарушило вторжение Запада, открывшего принципиально новую эпоху взаимодействия двух совершенно разных миров – конфуцианско-традиционалистской китайской цивилизации и западной капиталистической цивилизации, взаимодействие и синтез китайских и западных начал, выразившийся, в частности, в смешении принципов западного техницизма и китайской конфуцианской духовности, западной рацио-

нальности и китайской иррациональности, равенства и иерархичности, революционности и эволюционности. Вторжение Запада означало резкое вынужденное включение Китая в мировые политические, социально-экономические и культурные процессы. Сохранить древнее русло автономного «циклического» развития Китай больше не мог.

Запад навязывал новую, более динамичную, современную и прогрессивную (с точки зрения европейцев) модель развития, которую Китай был вынужден принимать и мучительно переваривать, пытаясь до последней возможности вписать их в догмы своих традиционалистских концепций. Открытие Китая положило начало сложному процессу сближения, открытой конкуренции и стремления к консенсусу и т. д. Все эти процессы неизбежно затронули основы монархического режима в Китае, который в конце концов был ликвидирован в 1912 г. Синьхайская революция оказалась неизбежным следствием кризиса Цинской монархии и резкого усиления центробежных тенденций внутри страны.

Но были и новые обстоятельства, нашедшие отражение в российской историографии и делавшие невозможной прежнюю цикличность. Первое. По справедливому мнению известного китаиста В. Ц. Головачева, поражение цинских верхов в противоборстве с державами, завершившееся подписанием уничижительного «Заключительного протокола» [25], превращало Китай из «страны-гегемона» в полуколонию. Это было «потерей лица» для всего китайского общества. И в этом китайское общество винило маньчжуров, стоящих у кормила власти и допустивших унижение Срединной империи западными «варварами». Второе. Движение тайпинов привело к становлению и развитию новой китайской военно-бюрократической элиты, сыгравшей не последнюю роль в свержении Цинов. Династия сама приближала свой крах, стимулируя китайский национализм в его антиманьчжурском варианте.

Но для нас наибольший интерес, пожалуй, представляет третье обстоятельство – значительное ослабление в начале XX в. вертикали цинской власти и активное развитие китайских провинциальных военно-бюрократических анклавов, что также способствовало краху маньчжурской династии. Именно этой проблеме уделено внимание современной российской историографией, подчеркивающей влияние событий и результатов Синьхайской революции на отдельные, соседние или связанные с Китаем регионы и народы, в частности определение роли Синьхайской революции в обретении независимости Внешней Монголией (Халха), Тибетом и Баргой [16–18; 45; 104]. К сожалению, эти аспекты находят лишь косвенное отражение в современной монгольской историографии.

Политика Российской империи в отношении Монголии в начале XX в.

В историографии XX–XXI вв. традиционно значительное внимание уделяется вопросам внешнеполитических, межгосударственных и дипломатических отношений между Россией, Китаем и Монголией [27; 76], связям Китая с США и позиции США в отношении происходящих в Китае изменений, японо-китайским контактам во время Синьхайской революции, отношению японских политических кругов к событиям в Китае и стремлению Японии оказывать влияние на Китай в своих интересах, позиция Японии по отношению к Монго-

лии [7]. Но в рамках поставленной нами проблемы мы сосредоточим внимание на современной российско-монгольской историографии политики Российской империи в отношении Монголии в начале XX в., накануне Синьхайской революции.

Так, монгольские ученые в большей мере акцентируют внимание на внутренних противоречиях политической элиты России в начале XX в., хотя все представители политических, военных и торгово-промышленных кругов Российской империи однозначно рассматривали Монголию, находившуюся под влиянием империи Цин, как существенную часть политики правительства северного соседа [10, с. 19].

Среди политических лидеров императорской России периода Русско-японской войны были сторонники отделения Монголии от Маньчжурии и приведения ее в русло японских интересов.

Другая партия желала, чтобы Монголия сблизилась с Китаем и вела непримиримую борьбу с Японией, дабы осуществить свои дальневосточные задачи чужими руками.

Что касается российского генералитета, жаждавшего реванша за поражение в Русско-японской войне 1904–1905 гг., то он рассматривал события 1911 г. как благоприятную ситуацию, чтобы присоединить Монголию к России, мотивируя это тем, что Халха не готова стать самостоятельным государством и «исторически не имеет предпосылок для автономного управления государством, поскольку кадров государственных деятелей военачальников и финансистов не имеется» [10, с. 19–20].

С самостоятельной позицией выступали российские промышленники и предприниматели, высказывавшиеся за содействие стремлению монголов к государственной самостоятельности и установлению протектората над этой страной, но не для того, чтобы ввозить товары в Монголию, а для того, чтобы вывозить продукты животноводства из Монголии в Россию [10, с. 20]. Важно отметить, что в последующем именно эта позиция нашла свое отражение в Монголо-русском соглашении о дружбе, заключенном в октябре 1912 г., и в Кяхтинском соглашении 1915 г.

Но были еще и сторонники развития партнерских торговых отношений России с Монголией, которые высказывались за создание автономной Монголии под протекторатом Китая [10, с. 22].

И, наконец, существовала еще одна точка зрения – «Монголия – монголам». Суть ее заключалась в том, что Монголия не в состоянии защитить свою независимость как от Китая, так и от России и потому необходимо создать автономное буферное государство под покровительством союза европейских государств [10, с. 22].

В плане поставленной проблемы, несомненно, интересна позиция российских монголоведов. Сразу же следует отметить, что пристальный интерес России к Монголии начинается с XVII в. Причем интерес этот устойчивый и постоянный [19; 30; 46; 86]. Научный интерес и публикаторская активность оказались столь значительными, что позволили профессору В. Д. Дугарову осуществить историографическое обобщение проблемы [29]. По свидетельству Е. М. Даревской, за 50 лет, начиная с 1870 г., в Монголии работало 150 экспе-

дий различного профиля [26, с. 264]. Российские ученые подчеркивают, что к началу XX в. Монголия превратилась в конгломерат полуколоний мировых держав, которые уже завершили раздел мира на колонии и боролись за передел уже поделенного мира. Поэтому ситуация в полуколониях определялась их включением в важнейшие договорные документы ведущих мировых держав, в соответствии с которыми в некоторых полуколониях вызревали внутренние и внешние предпосылки возникновения новых суверенных государств. Это в полной мере относилось и к Монголии, которая искала точку опоры на стороне [39, с. 18].

Положение Монголии накануне Синьхайской революции 1911 г. характеризовалось, с одной стороны, нависшей угрозой превратиться из привилегированной части империи с самобытной культурой в заурядную китайскую провинцию с преобладающим ханьским населением. Так, по данным уполномоченного российского правительства в Монголии в августе 1912 – мае 1913 г. И. Я. Коростовца в 1910-е гг. «китайцев насчитывают в куренях и маймаченах до 25 000, тогда как русских не больше пятисот» [42, с. 205]. Известный монголовед И. И. Ломакина подчеркивает, что почти все «скотоводы – жители Степи... жили в долг китайским торговцам, расплачиваясь за набранные товары первой необходимости ожидаемым приплодом скота» [75, с. 61].

С другой стороны, положение Монголии характеризовалось ее вовлечением в орбиту широких межгосударственных отношений. Коллектив авторов «Истории Монголии» подчеркивает, что светские и духовные феодалы Внешней и Внутренней Монголии отдавали себе отчет в том, что последствием такого положения «может быть не только разрыв с Пекином и успешное противостояние ему, но и чрезмерное усиление позиций России в Монголии в условиях острой конфронтации последней с южным соседом» [39, с. 29].

Для понимания всей важности Монголии для России, и особенно для Сибири, несомненно, важное значение имеет письмо знаменитого российского монголоведа Б. Я. Владимирцова ученому-монголоведу и общественному деятелю А. В. Бурдукову от 25 июня 1912 г., где среди прочего автор письма указывает: «Никто в России не понимает, насколько важна Монголия России, в особенности Сибири. Да и никто не знает и не понимает, что Монголия – это не Маньчжурия. Но в последнее время в обществе постепенно стали понимать это». Именно этот аспект нашел широкое отражение в публикациях представителей иркутской школы монголоведения Е. М. Даревской, Е. И. Лиштованного и Ю. В. Кузьмина, в которых особое внимание занимает сибирский компонент [26; 44–46; 72; 74].

*Синьхайская революция и провозглашение независимости
Монгольского государства*

В данном контексте хотелось бы дать общее представление о некоторых конкретных целях и направлениях исследований, связанных с проблематикой Синьхайской революции, на примере современных публикаций российских и монгольских ученых.

В духе научных исследований советского периода российские исследователи-китаисты до сих пор стремятся определить характер Синьхайской революции, оценить ее результаты, место и значение для последующего развития Китая. Среди тем, связанных с Синьхайской революцией и вызвавших основную полемику и дискуссии, имеет место прежде всего определение характера Синьхайской революции (буржуазная или буржуазно-демократическая), а также вопрос о победе или поражении этой революции. Революция по своему типу определяется как буржуазная, однако реального перехода государственной власти к буржуазии не было. Кроме того, сохранилось влияние иностранных держав на Китай. В то же время отмечаются и положительные аспекты Синьхайской революции и прежде всего потому, что события 1911–1913 гг. привели к свержению монархии в Китае, открыв народу путь к борьбе за демократию.

Однако в русле поставленной нами проблемы особый интерес представляют русско-китайские отношения через призму монгольского вопроса. В этом отношении особый интерес представляет монография Е. А. Белова, в которой подчеркивается, что к 1911 г. русско-китайские отношения приобрели напряженный характер, особенно после поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. [19, с. 3]. В этот период в Китае проводилась военная реформа, шло интенсивное железнодорожное строительство с привлечением иностранного капитала, намечалась прокладка железных дорог в Монголии и Маньчжурии до границы с Россией, строился военный флот, в широких масштабах проводилась колонизация Внутренней Монголии и Маньчжурии. Не случайно в правительственных и общественных кругах России видели в Китае реальную военную угрозу, и потому царское правительство намерено было принять превентивные меры. Поэтому когда в декабре 1911 г. во время начавшейся в Китае Синьхайской революции халхаские князья и высшие ламы провозгласили независимость Монголии, оно взяло курс на создание из Северной и Западной Монголии буферного государства. Исследователь справедливо отмечает, что царскому правительству удалось решить эту задачу, когда в 1915 г. по Русско-китайско-монгольскому соглашению, подписанному в Кяхте, Внешняя Монголия (Халха и Кобдоский округ) получила широкую автономию, официально оставаясь в составе Китая [19, с. 3]. В то же время известные монгольские ученые О. Батсайхан и Ж. Урангуа рассматривают события в Монголии не как следствие Синьхайской революции, а как самостоятельное явление, что, во-первых, не соответствует реальному ходу исторических событий, а во-вторых, принижает заслуги российской дипломатии, которая много сделала для возникновения монгольской государственности и выступала ее гарантом [10, с. 133–134; 87]. Так, О. Батсайхан подчеркивает, что «в 1911 г. монголы освободились от маньчжурского государства Цин и провозгласили восстановление независимости...» [11, с. 51]. Именно поэтому необходима взвешенность позиций и оценок исторических событий столетней давности, и коллектив авторов «Истории Монголии. XX век» в этой связи подчеркивает: «В июле 1911 г., когда происходил крах Маньчжурской империи и администрация режима династии Цин теряла контроль над событиями в политически раздробленном Китае и в Монголии, в Урге во главе с Джебзундамба-хутухтой состоялось тайное

совещание 18 наиболее влиятельных князей, на котором... было принято решение воспользоваться благоприятной обстановкой начавшейся в Китае революции для провозглашения независимости страны» [39, с. 28]. С ними созвучны и мнения молодых исследователей, чьи диссертации дополнили российскую историографию, которые подчеркивают, что именно «Синьхайская революция 1911–1913 гг. в Китае стала поворотным моментом борьбы за независимость монголов» [15, с. 3; 77], «спровоцировала национально-освободительные движения на окраинах Цинской империи и привела к ее распаду. Первой территорией, которая выделилась из состава Цинской империи, была Халха (Внешняя Монголия), где возникло мощное народное движение» [42, с. 3]. Более того, в сборнике документов, подготовленном Л. Дэндэвом, прямо указывается на то, что причина провозглашения независимости Внешней Монголии лежала в бедственном положении империи, о чем зимой 1911 г. сообщалось телеграммой маньчжурскому правительству: «В течение двухсот с лишним лет Монголия пользовалась особым расположением к себе богдыханов и не собирались никогда прекращать служить империи Цин верой и правдой, делить с ней радость и горе. Но в течение последних десятилетий стержень власти, к сожалению, покатился, пограничные наместники и чиновники центральных ведомств начали грубо попирали законы, занялись поборами и взятками. В результате, нет сейчас в мире более дикого и заброшенного угла» [101]. Более того, по оценке Е. А. Белова, «вместе с загнивающей империей Цин Монголия катилась в пропасть» и «оказалась наиболее слабым звеном империи» [17].

В чем созвучна современная российская и монгольская историография? Прежде всего в оценке самой сути свержения Цинской монархии, крах которой поставил перед Монголией непростую задачу формирования новых общественно-политических структур и построения качественно новых государственных отношений. 29 декабря 1911 г. прошла торжественная церемония возведения Богдо-гэгэна VIII Джебцзундамба-хутухты на государственный престол. Монголы провозгласили его правителем-ханом Монгольского государства [9, с. 122], что означало образование независимого государства.

Таким образом, следует отметить несомненный интерес российских специалистов к изучению истории Синьхайской революции. Однако китайская революция через призму образования Монгольского государства представлена в российской историографии недостаточно полно. Что касается монгольской историографии, то эта проблема пока также не стала объектом пристального внимания.

*Русско-монгольское соглашение 1912 г.
и Русско-китайская декларация 1913 г.*

Монгольское государство, возникшее как результат Синьхайской революции, до 1915 г. не имело международного признания и оставалось непризнанным, хотя и независимым, суверенным государством, осуществлявшим самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику и выступавшее де-факто субъектом международных отношений. При этом оно находилось в экономической и политической зависимости от Российской империи. Этим и объясняется тот

факт, что в современной монгольской и российской историографии важные дипломатические шаги, предпринятые Россией после Синьхайской революции и вылившиеся в подписание Русско-монгольского соглашения 1912 г. и Русско-китайской декларации 1913 г., не имеют должного отражения. Указанные дипломатические акты получили серьезную оценку в последние десятилетия в публикациях Е. А. Белова [18; 20], Н. Ариунгуа [1], Ц. Батбаяра [8] и О. Батсайхана [10], Н. Хишигт [88], хотя, конечно, так или иначе упоминаются и в других публикациях. Так, Е. А. Белов акцентирует внимание читателя на том, что Китай изначально был «против независимости Халхи, но не имел возможности прибегнуть к насильственным действиям», хотя выступал против посредничества России в переговорах Пекина и Урги. Одновременно с этим царское правительство решило «взять монгольский вопрос полностью в свои руки и самому вести переговоры по нему с Китаем непосредственно» [19, с. 56, 57]. Тем самым Россия жестко проводила собственную политику с целью «утвердить там свое безраздельное влияние». Что касается «защиты интересов монгольских феодалов», то «они занимали второстепенное место в политике царизма». Хотя требования российской дипломатии по отношению к Пекину «не вводить в Халху китайские войска, не колонизировать ее земли и не устанавливать в ней китайскую администрацию, безусловно, были в интересах монголов» [19, с. 57].

Хочется отметить, что позиция современной монгольской историографии в освещении этой проблемы сходна с позицией с российской историографии. Так, О. Батсайхан подчеркивает, что «в условиях, когда... Китай, свергнув маньчжурское иго, претендовал на роль правопреемника маньчжурского государства, перед монголами стояла задача сохранения и защиты своей приобретенной в результате всеобщего подъема национально-освободительной борьбы независимости, прежде всего, через ее признание соседними государствами» [10, с. 34]. И хотя Россия предпринимала серьезные шаги, дабы не ухудшить взаимоотношения с Китаем, избегая прямого признания независимости Монголии, тем не менее российская дипломатия делала конкретные шаги для подготовки договора между Россией и Монголией. При этом исследователь конкретизирует, что подписанный в 1912 г. Договор о дружбе между Россией и Монголией не просто определял характер отношений между странами, но и стал первым международным правовым документом, определявшим статус Монголии и имевшим важное значение для выхода страны на международную арену [10, с. 60].

В самом процессе подготовки и подписания 3 ноября 1912 г. Соглашения и Протокола к нему авторы «Истории Монголии» выделяют тот факт, что решение этого вопроса в определенной степени зависело не только от России и Китая, но и от «других держав – Японии, США, Англии, Франции, Германии, не желавших... нарушения баланса сил, сложившегося в регионе Центральной Азии и Дальнего Востока, на пороге Первой мировой войны» [39, с. 37]. Причем эти державы в большинстве своем «поддерживали Китай в его противоборстве с Россией и Монголией и игнорировали неоднократные предложения богдо-хана и его правительства установить дипломатические и торговые отношения» [39, с. 37]. Поэтому не случайно, подчеркивают авторы коллективного

труда, что в этих условиях именно Россия стала гарантом монгольского правительства «в деле сохранения институтов монгольской государственности, формирования вооруженных сил, недопущения китайской колонизации и ввода китайских войск» [37, с. 39]. Но при этом внимание акцентируется на том, что «Китай, ввиду его непримиримой позиции, остался за рамками переговоров» [37, с. 39].

В своей монографии О. Батсайхан подчеркнул, что текст Соглашения был сразу опубликован в США, Японии и других странах, а следом были опубликованы аналитические статьи, в которых документу давалась высокая оценка и утверждалось, что подписание Соглашения определило дальнейшие отношения между Монголией, Россией и Китаем [10, с. 139].

Следует подчеркнуть еще один созвучный аспект российской и монгольской историографии – высокая оценка профессионализма уполномоченного российского правительства в Монголии И. Я. Коростовца в подготовке и подписании Соглашения и виртуозность многоходовой комбинации, которая заложила будущие более широкие международные связи. Все это стало болезненным ударом для Китая, который по-прежнему имел намерения оставить Монголию под своей юрисдикцией. Это привело к подготовке и подписанию Русско-китайской декларации от 5 ноября 1913 г., которая также нашла отражение в современной российской и монгольской историографии.

Важно, что современная российская историография справедливо рассматривает Русско-китайскую декларацию как продолжение Русско-монгольского соглашения 1912 г., создавшего правовое поле для повышения статуса Монголии в системе международных отношений. Причем согласованность действий позволила России и Монголии «успешно противостоять потенциально возможным японскому и американскому вариантам развития событий». По первому варианту Япония отеснила бы Россию и осуществила бы влияние на Внешнюю и Внутреннюю Монголию и на весь Северо-Восточный Китай. При таком развитии событий легитимность монархии богдо-хана была бы сведена на нет и Монголия вернулась бы в «лоно» преемника Цинской империи – республиканского Китая «в статусе обычной китайской провинции» [39, с. 41]. Второй вариант означал однозначную ориентацию США на режим Юань Шикая, на принципы «открытых дверей» в отношении всего Китая [39, с. 41]. К этому следует добавить, что стремление Урги отвоевать у Китая Внутреннюю Монголию и начавшиеся боевые действия не имели никаких перспектив и потому не увенчались успехом. Е. А. Белов подробно рассматривает весь ход боевых действий, против которых решительно возражало царское правительство, соблюдая условия секретного русско-японского договора 1907 г. о разделе сферы влияния в отношении Китая [19, с. 91–92]. И дело даже не в том, что Россия ни материально, ни дипломатически не поддержала Ургу в этом предприятии, а в явном военном превосходстве китайцев и отсутствии поддержки со стороны местного монгольского населения. Поэтому естественным ходом развития событий стало подписание 5 ноября 1913 г. Русско-китайской декларации, в соответствии с которой Внешняя Монголия (Халха и Кобдоский округ) получила широкую автономию в составе Китая, который сохранял над ней сюзеренитет

[19, с. 97]. Однако переговоры не были победным маршем. Из-за непримиримости позиций сторон по монгольскому вопросу переговоры шли медленно и трудно. Но основная заслуга российской делегации, как подчеркивает Е. А. Белов, заключается в том, что в Декларации хотя и «не упоминалось русско-монгольское Соглашение, но его содержание полностью вошло в текст этого документа» [19, с. 110].

Таким образом, современная российская и монгольская историография звучны в плане оценки дипломатических шагов Российской империи как важнейшего этапа будущего Тройственного кяхтинского соглашения 1915 г.

Тройственное кяхтинское соглашение 1915 г.

Тем не менее некая двойственность, определенная незавершенность и недосказанность дипломатических актов 1912 и 1913 гг. поставили перед дипломатическими кругами России, Китая и Монголии задачу скорейшей подготовки тройственного акта, в котором можно было бы снять все имеющиеся политические противоречия. Подготовка и подписание такого Соглашения нашли широкое отражение в современной российской и монгольской историографии, которая отмечает всю сложность и нестандартность ситуации, возникшей в ходе восьмимесячной работы конференции по подготовке подписания заключительного документа. Об этом красноречиво говорит факт, на котором акцентирует наше внимание современная историография: на конференции было представлено три готовых проекта, принципиально отличающихся друг от друга в трактовке статуса Монголии. Первый, китайский, проект предполагал превращение Монголии в обычную провинцию Китая; второй, российский, проект исходил из идеи широкой автономии Монголии под сюзеренитетом Китая; третий, монгольский, проект отстаивал государственную независимость Монголии [29]. Для объективной оценки важнейшего для Монголии и международного права дипломатического акта особую важность представляет монография монгольского ученого О. Батсайхана «Независимость Монголии и тройственное Кяхтинское соглашение Китая, России и Монголии 1915 г.», в которой опубликованы протоколы всех заседаний тройственной конференции [97], позволяющие непосредственно оценить всю сложность и все перипетии договорного процесса.

В современной российской и монгольской историографии подробно анализируется весь ход восьмимесячных переговоров, которые увенчались победой российского варианта [10; 16; 18; 20; 26; 41; 44; 45; 95]. Это стало «окончательным международно-правовым оформлением автономного статуса Монголии, тем самым позитивно решив “монгольский вопрос”» [39, с. 42]. Кяхтинское соглашение определило внутренний и международный статус Внешней Монголии, получившей широкую автономию с правом заключать экономические соглашения и договоры с иностранными государствами. Протокол 1912 г. и Соглашение 1913 г. были признаны имеющими полную силу. Но будучи под контролем Российской империи, подчеркивают российские историографы, Монголия могла заключить такие договоры лишь собственно с Россией и Тибетом [19, с. 127; 39, с. 43].

Современная российско-монгольская историография дает высокую оценку итогам переговоров, хотя они в полной мере не отвечали требованиям монгольской стороны объединить Внешнюю и Внутреннюю Монголию. Тем не менее это было единственным оптимальным решением с точки зрения формирования благоприятной геополитической ситуации в регионе и для создания легитимной монгольской государственности. Но для современного читателя представляется наиболее важной оценка блестящего российского ученого и дипломата, занимавшего пост директора Второго департамента МИД Российской империи барона Б. Э. Нольде, приведенная в исследовании И. Я. Коростовца: «Создание Монголии – одно из крупных дипломатических достижений императорской России» [42, с. XVIII].

Следует отметить еще один важнейший шаг российской дипломатии, который был сделан при подготовке Кяхтинского соглашения. Так, заботясь об укреплении своих дальневосточных границ, Россия осуществила практически безболезненное присоединение к империи тюркоязычного ламаистского Урянхая, что было связано с проблемой определения линии прохождения российско-китайской границы. И если в работе «архитектора» дальневосточной политики России в начале XX в., блистательного российского дипломата И. Я. Коростовца этот факт вызывает законную гордость [42, с. 259], то в современном российском монголоведении эта несомненная дипломатическая победа осталась за бортом научных интересов и получила звучание совсем недавно, в работе международной конференции «Единая Тува в единой России: история, современность, перспективы», проходившей в связи с празднованием в 2014 г. 100-летия единения России и Тывы. Между тем в первой четверти XX в. эта акция Российской империи стала причиной сближения Китая и Монголии и даже конфликта России и Монголии сразу же после победы монгольской революции 1921 г.

*Личность в истории: роль И. Я. Коростовца
и VIII Богдо Джебцзундамба-хутухты в становлении
монгольской государственности*

Анализируя ход и результаты Синьхайской революции, а также ее последствия в части создания монгольской государственности, российская и монгольская историография важное внимание, причем обоснованно и заслуженно, уделяет особой роли Богдо-гэгэна VIII Джебцзундамба-хутухты [12; 9; 19; 96; 100] и уполномоченного императорского российского правительства в Монголии И. Я. Коростовца [4; 13; 14; 62; 74; 98], которые стояли у истоков нового государства и заложили основы российско-монгольских отношений в XX в.

Интерес к деятельности И. Я. Коростовца был вызван опубликованием его многолетнего исследования по истории Монголии на русском языке [42], «Дневника русского уполномоченного в Монголии» [41], а также проведением в Улан-Баторе в 2013 г. международной научной конференции, посвященной деятельности российского дипломата (Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал), среди выступлений на которой можно выделить доклады как российских

(Е. И. Лиштованный, Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков), так и монгольских ученых (О. Батцайхан, Ц. Батбаяр, Н. Хишигт и др.).

В то же время публикации в российской и монгольской периодике о Джебцзундамба-хутухте, не считая небольшой главы в монографии Е. А. Белова [19], принадлежит лишь перу О. Батсайхана, хотя Богдо-гэгэн, несомненно, заслуживает большего внимания.

Есть, пожалуй, и еще одно отличие в оценке современной историографией двух выдающихся личностей. Если долгое время личность И. Я. Коростовца была в забвении, что было обусловлено сменой общественно-политического строя и эмиграцией российского дипломата, то память о Джебцзундамба-хутухте, в соответствии с государственной идеологией СССР и МНР, подвергалась шельмованию.

В современной российской и монгольской историографии дипломатическая деятельность И. Я. Коростовца получила научное освещение. Правда, это касается лишь монгольского периода, и в этом пальма первенства принадлежит О. Батсайхану, который смог ознакомиться с личным делом дипломата, находящимся на хранении в Архиве внешней политики Российской империи. При этом особый интерес представляет деятельность И. Я. Коростовца в качестве уполномоченного Российской империи для ведения переговоров с монгольским правительством. Исследователи, с опорой прежде всего на архивные документы, скрупулезно и подробно рассматривают чуть ли не каждый день девятимесячного пребывания российского дипломата в Монголии. И в этой связи особый интерес представляет дневник И. Я. Коростовца, в материалах которого мы видим не только настоящего профессионала, радеющего об интересах империи, стоявшего у истоков нового государства, знавшего проблему изнутри, непосредственно влиявшего на ход исторических событий, но и ученого-аналитика, представившего уникальный материал по истории монголов начала XX в. [14, с. 83]. В этой связи несомненный интерес представляет небольшое выступление О. Бакич на конференции в Улан-Баторе, благодаря которому «Дневник русского уполномоченного» увидел свет, вначале – на русском (2009), а затем – на монгольском (2010) языке [4]. Именно дневник дает нам возможность не только увидеть фигуру Богдо-хана, оценить его ум, прозорливость государственного деятеля и лидера молодого государства, дипломатический такт, его окружение, быт, пристрастия, но и выявить отношение к нему выдающегося русского дипломата. И здесь, на наш взгляд, следует акцентировать внимание российских и монгольских ученых на том, что деятельность И. Я. Коростовца и Богдо-хана во многом созвучна и неразделима, ибо именно они стояли у истоков монгольской государственности и именно их позитивная деятельность привела к желаемому результату. Поэтому и исследовательский интерес к рассматриваемым историческим личностям должен быть созвучным и неразделимым.

Но если роль И. Я. Коростовца ограничилась переговорным процессом и подписанием Российско-монгольского соглашения 1912 г., то роль Богдо-хана продолжала расти. А после Кяхтинского соглашения 1915 г., когда Внешняя Монголия превратилась в геополитический центр региона и «становилась

ядром притяжения родственных монголоязычных народов, населявших пространство от Байкала до Великой Китайской стены» [39, с. 44], фигура Богдо-гэгэна начала приобретать сакральный характер, а в будущем способствовала возникновению движения панмонголизма.

Таким образом, мы выявили общее и особенное в современной российской и монгольской историографии в оценке Синьхайской революции и ее воздействия на Монголию, которая в целом сходна.

Но есть и некоторые расхождения. Все монгольские ученые единодушны в оценке событий 1911 г. как национальной революции в Монголии, апогеем которой стало возведение Богдо-гэгэна VIII Джебцзундамба-хутухты на государственный престол. А О. Батсайхан назвал Богдо-гэгэна «руководителем и отцом Монгольской национальной революции 1911 года» [9].

Диаметрально противоположной является оценка крупного российского монголоведа Е. А. Белова: «Провозглашение независимости Монголии, на мой взгляд, никак нельзя назвать революцией, так как революции в других странах ставили целью коренное изменение развития общества, и хотя они часто не достигали поставленных целей – их идеологи и лидеры всегда выдвигали требования смены модели общественного развития. Халхаская феодальная верхушка выдвинула в 1911 г. и позже только одно требование – отделение Монголии от Китая, оставив в нетронутом виде архаичные общественно-экономические отношения в своей стране. Что касается политического строя, то князья и высшие ламы ввели во Внешней Монголии теократическую форму правления. И это произошло в то время, когда в Китае, от которого они стремились отделиться, была в разгаре революция, рушилась монархия, шла борьба за республиканский строй, за демократию» [16, с. 5]. При этом коллектив авторов «Истории Монголии. XX век» квалифицирует события 1911 г. как «национально-освободительную революцию 1911 г. в Монголии» [39, с. 33, 34]. Тем не менее эти расхождения никак не влияют на оценку и исследовательский интерес ученых к изучению истории монгольской государственности, о чем красноречиво свидетельствует современная российско-монгольская историография.

От революции 1917 г. в России к революции 1921 г. в Монголии

Важнейшим направлением раскрытия проблемы стала революция 1917 г. в России, в результате победы которой было создано первое в мире социалистическое государство. Именно революция 1917 г. дала новый толчок развитию революционного, демократического и национально-освободительного движения во всем мире [78]. Именно российская революция 1917 г. стала базовым компонентом для революции в Монголии 1921 г., что находит подтверждение в монгольской историографии [91–94]. В современной российской и монгольской историографии этот компонент не нуждается в доказательствах.

Важное место в раскрытии проблемы занимает такой сегмент, как участие бурятских национальных демократов в революции 1921 г., что получило развитие на монографическом уровне [33]. Об интересе к проблеме красноречиво говорит наличие историографической монографии А. В. Михалева [79]. При этом следует отметить, что в оценке деятельности бурятских демократов, осо-

бенно Э.-Д. Ринчино, у российских и монгольских ученых имеются расхождения [10; 33].

Хочется выделить еще один аспект, объединяющий взгляды монгольских и российских ученых: революционные события 1911 и 1921 гг. рассматриваются как звенья одной цепи единого революционного процесса [73; 103]. И в этой связи несомненный интерес представляет статья С. Отгонжаргала «К вопросу о преемственности революций 1911, 1921, 1990 гг.» [102], в которой события 90-х гг. XX в. рассматриваются как органическое продолжение революционных событий первой четверти XX в.

Однако революционным событиям в Монголии предшествовали долгие годы формирования национального движения бурят на базе сначала «культурнического панмонголизма», а затем Бурнацкома – Бурнардумы, что и привело бурятских демократов в монгольскую революцию, а затем способствовало созданию бурятской национальной автономии в составе РСФСР. Этот аспект изучен наиболее полно как на диссертационном, так и на монографическом уровнях [2; 33; 34].

Особое внимание в российской и монгольской историографии уделено проблеме российско-монгольского военного сотрудничества, что удалось воплотить в 2-томном издании документов и материалов, большинство из которых впервые введено в научный оборот [82].

Однако в российско-монгольской историографии никогда не поднималась проблема революционного процесса всего монгольского мира в целом, хотя в этом процессе много общего. Самое важное – то, что отличает этот процесс: это общая идея – панмонголизм [32; 43; 47; 50–56; 58–60]. И если в начале XX в. это было два «ручья»: а) бурятские национальные демократы; б) правительство автономной Монголии во главе с VIII Богдо Джебцзундамбахутухтой, то после подписания в 1915 г. Кяхтинского тройственного соглашения идея начала перерастать в идеологию, а позднее – в государственную политику. И хотя проблема панмонголизма уже может стать темой для самостоятельного историографического анализа, в российской и монгольской историографии рассматриваются лишь отдельные аспекты панмонголизма, касающиеся революции 1921 г., хотя здесь и присутствует оценочное суждение места и роли этой революции в истории Монголии XX в. [39; 105; 106], роли и места атамана Г. М. Семенова и барона Ф. Р. Унгерна в революционных событиях [47; 55], степени участия бурятских демократов в революции и национально-государственном строительстве [3; 32; 89]. Но при этом единство революционного процесса монгольского мира на базе панмонголизма в историографии не прослеживается.

При рассмотрении проблемы мы обращаем особое внимание не только на этноконфессиональный, но и на историко-географический фактор. То есть единство революционного процесса монгольского мира мы рассмотрим лишь относительно бурят и монголов, в силу этнической, конфессиональной, исторической и географической близости народов.

Таким образом, проблема революционного процесса монгольского мира в первой четверти XX в., несомненно, выходит за рамки локального процесса. И

дело даже не только в том, что эти события способствовали революционизации всей Азии. В этом процессе просматривается влияние российской революции 1905–1907 гг. на характер и движущие силы Синьхайской революции в Китае 1911 г., а также Февральской и Октябрьской революции в России 1917 г. на характер и движущие силы монгольской революции 1921 г.

Список литературы

1. *Ариунгуа Н.* Русско-Монгольский договор 1912 года как подспудное начало независимости Внешней Монголии // Монгол-оросын 1912 оны гэрээба И. Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. – Улаанбаатар хот, 2013. – С. 120–130.
2. *Бабаков В. В.* Бурнацком-Бурнардума: первый опыт национально-государственного строительства в Бурятии : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. В. Бабаков. – Улан-Удэ, 1997. – 21 с.
3. *Базаров Б. В.* Бурятские национальные демократы в монгольских революциях первой четверти XX в. // Монголын 1921 оны хувьсгал ба орчин Үеийн туухийн судалгаа (Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эмхтгэд). 2011 оны 7 дцгаарсарын 6–7.– Улаанбаатар, 2012. – С. 178–181.
4. *Бакич О.* История дневника И. Я. Коростовца // Монгол-оросын 1912 оны гэрээба И. Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. – Улаанбаатар хот, 2013. – С. 49–52.
5. *Балдаев Р. Л.* Библиография МНР, книги и статьи на русском языке (1951–1961) / Р. Л. Балдаев, Н. Н. Васильев. – М., 1961.
6. *Балдаев Р. Л.* Указатель библиографии по монголоведению на русском языке 1824–1960 / Р. Л. Балдаев, Н. Н. Васильев. – М., 1962.
7. *Батбаяр Ц.* Монголия и Япония в первой половине XX в. / Ц. Батбаяр. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГАКИ, 2002.
8. *Батбаяр Ц.* Монгольско-российское соглашение 1912 года и некоторые вопросы о позиции Юань Шикая (1912 Оны монгол-оросын хэлэлцээр ба Юань Шикайн) // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX вв.: экономика, дипломатия, культура : сб. науч. тр. – Улан-Батор ; Иркутск, 2013. – С. 128–133.
9. *Батсайхан О.* VIII Богдо Жавзандамба-хутухта – руководитель и отец Монгольской национальной революции 1911 года // Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН. – 2013. – № 3(11). – С. 121–137.
10. *Батсайхан О.* Монголия на пути к государству-нации (1911–1946) / О. Батсайхан ; отв. ред. В. Б. Базаров. – Иркутск ; Улан-Удэ, 2014. – 384 с.
11. *Батсайхан О.* Национальная революция Монголии 1911 года: мечта графа Н. Н. Муравьева-Амурского и независимость Монголии // Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол, 17–18 сент. 2014 г. – СПб., 2014. – С. 50–59.
12. *Батсайхан О.* Независимость Монголии 1911 года и Богд Хан // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX вв.: экономика, дипломатия, культура : сб. науч. тр. – Улан-Батор ; Иркутск, 2013. – С. 156–160.
13. *Батсайхан О.* Уполномоченный императорского российского правительства в Монголии в августе 1912 – май 1913 года Иван Яковлевич Коростовец // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX вв.: экономика, дипломатия, культура : сб. науч. тр. – Улан-Батор ; Иркутск, 2013. – С. 161–170.

14. *Батсайхан О.* Уполномоченный императорского российского правительства в Монголии в августе 1912 – мае 1913 г. Иван Яковлевич Коростовец // Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН. – 2013. – № 3(11). – С. 77–87.
15. *Батунаев Э. В.* Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Э. В. Батунаев. – Улан-Удэ, 2013. – 23 с.
16. *Белов Е. А.* Баргинский вопрос в русско-китайских отношениях (1912–1915 гг.) // 23-я научная конференция «Общество и государство в Китае». – М., 1991. – Ч. 2.
17. *Белов Е. А.* К истории русско-китайских отношений в период революции 1911–1913 гг. в Китае // 24-я науч. конф. «Общество и государство в Китае». – М., 1992. – Ч. 2.
18. *Белов Е. А.* Позиции России и Китая в отношении Монголии после провозглашения ее независимости (1911–1912 гг.) // 22-я научная конференция «Общество и государство в Китае». – М., 1991. – Ч. 2.
19. *Белов Е. А.* Россия и Монголия (1911–1919 гг.) / Е. А. Белов ; отв. ред. С. Л. Тихвинский. – М. : ИВ РАН, 1999. – 239 с.
20. *Белов Е. А.* Русско-китайские отношения 1911–1915 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Е. А. Белов. – М., 1993. – 23 с.
21. *Бойкова Е. В.* Библиография по российскому монголоведению (1992–1997) / Е. В. Бойкова. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 1992.
22. *Бойкова Е. В.* Библиография по советскому монголоведению (1987–1991) / Е. В. Бойкова. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 1992.
23. *Гарушияц Ю. М.* Публикация в КНР источников по истории революции 1911 г. // НАиА. – 1961. – № 4.
24. *Гарушияц Ю. М.* Советская историческая литература о китайской революции 1911 года // НАиА. – 1962. – № 2.
25. *Головачев В. Ц.* Незавершенная революция: пересмотр идейного наследия Сунь Ят-сена и его эпохи // Восток (ORIENS). – 2012. – №3. – С. 140–144.
26. *Даревская Е. М.* Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX–XX вв. / Е. М. Даревская. – Иркутск, 1994.
27. *Дацышен В. Г.* История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. – Красноярск, 2000.
28. *Дубровский В. А.* Установление покровительства России над Тувой в 1914 : архив. документы / В. А. Дубровский. – Кызыл, 1994.
29. *Дугаров В. Д.* Взаимоотношения России и Монголии в XVII–XIX: вопросы историографии / В. Д. Дугаров. – Улан-Удэ, 2004.
30. *Единархова Н. Е.* Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921) / Н. Е. Единархова. – Иркутск, 2003.
31. *Жабаева Л. Б.* Об участии бурятских демократов в событиях монгольской революции 1921 года // Монголын 1921 оны хувьсгал ба орчин Үеийнт уухийн судалгаа (Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эмхтгэд). 2011 оны 7 дцгаарсарын 6–7. – Улаанбаатар, 2012. – С. 56–63.
32. *Жабаева Л. Б.* Об участии Э.-Д. Ринчино в панмонгольском движении // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2000. – Т. 4.
33. *Жабаева Л. Б.* Элбэк-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов / Л. Б. Жабаева. – Улан-Удэ, 2001.
34. *Жабаева Л. Б.* Элбэк-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Л. Б. Жабаева. – Улан-Удэ, 2001. – 39 с.

35. За три века. Тувинско-русско-монгольско-китайские отношения (1615–1915) : архив. документы. – Кызыл, 1995.
36. История Бурятии : в 3 т. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – Т. 3.
37. История Калмыкии : в 3 т. – Элиста : ГУ Издат. дом «Гэрэл», 2009. – Т. 1. – 848 с.
38. История Монголии. – Улаанбаатар, 2003. – Т. 1–2.
39. История Монголии. XX век / отв. ред. Г. С. Яскина. – М. : ИВ РАН, 2007. – 448 с.
40. История Тувы : в 2 т. / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. – 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск : Наука, 2001. – Т. 1. – 367 с.
41. *Коростовец И. Я.* Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 – май 1913 г. / И. Я. Коростовец ; сост. О. Батсайхан ; отв. ред. Н. Тацуо, О. Бакич. – Улан-Батор, 2009. – 440 с.
42. *Коростовец И. Я.* От Чингисхана до Советской республики (Краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени) / И. Я. Коростовец. – Улан-Батор : Эмгэнт, 2004. – 560 с.
43. *Кузьмин С. Л.* Панмонгольское движение 1919–1920 гг. и монгольская государственность // EURASIA. STATUMETLEGEN. – 2015. – № I (IV). – С. 97–107.
44. *Кузьмин Ю. В.* Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической жизни России (конец XIX – 30-е гг. XX в.) / Ю. В. Кузьмин. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1997. – С. 35–36.
45. *Кузьмин Ю. В.* Позиция демократической интеллигенции России в «монгольском вопросе» после Синьхайской революции // 23-я науч. конф. «Общество и государство в Китае». – М., 1991. – Ч. 2.
46. *Кузьмин Ю. В.* Россия и Монголия на рубеже веков: русско-монгольские отношения конца XIX – начала XX вв. в российских исследованиях / Ю. В. Кузьмин. – Иркутск, 2002.
47. *Курас Л. В.* Атаман Г. М. Семенов и барон Р. Ф. Унгерн в монгольской революции 1921 г. // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2011. – № 8, Востоковедение. – С. 167–172.
48. *Курас Л. В.* Атаман Г. М. Семенов и бурятские военные формирования // Российские силовые структуры и общество: проблемы, история и перспективы взаимодействия : тез. докл. 2-й воен.-ист. регион. конф. (5 мая 1997 г.). – Иркутск : МВД РФ, Вост.-Сиб. ин-т МВД РФ, 1998.
49. *Курас Л. В.* «Великое Монгольское государство» атамана Семенова: государство, которого не было // EURASIA. STATUMETLEGEN. – 2015. – № I (IV). – С. 84–96.
50. *Курас Л. В.* «Велико-монгольское государство» в геополитических амбициях атамана Семенова // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 20-летию Ин-та истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, 4–5 марта 2008 г. – Екатеринбург, 2008. – С. 426–532.
51. *Курас Л. В.* Атаман Г. М. Семенов и панмонголизм // Международный конгресс востоковедов. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 2004. – Т. 2. – С. 205–207.
52. *Курас Л. В.* Атаман Семенов и «монгольский вопрос» // Монгол чуудын аж ахуй, эдийн засгийн тууж. – Улаанбаатар, 2006. – С. 340–354.
53. *Курас Л. В.* Атаман Семенов и национальные военные формирования // История «белой» Сибири. – Кемерово, 1999. – С. 43–46.
54. *Курас Л. В.* Атаман Семенов и панмонгольское движение // Сибирь: век XX. – Кемерово, 2001. – Вып. 3. – С. 52–56.
55. *Курас Л. В.* Барон Р. Ф. Унгерн в монгольской революции 1921 г.: российская историография проблемы // Монголын 1921 оны хувьсгал ба орчин Үеийнт уухийн су-

далгаа (Олон улсын эрдэмшинжилг ээний хурлын илтгэлийн эмхтгэд). 2011 оны 7 дцгаарсарын 6–7. – Улаанбаатар, 2012. – С. 188–192.

56. *Курас Л. В.* Геополитические амбиции атамана Семенова: политика создания федеративного «Велико-монгольского государства» // Гуманит. вектор. – 2011. – № 4.

57. *Курас Л. В.* Монголия после Синьхайской революции 1911–1913 гг.: современная российско-монгольская историография // Иркут. ист.-экон. ежегодник. – 2015. – С. 584–594.

58. *Курас Л. В.* Панмонголизм в воззрениях атамана Семенова // Власть : общенац. науч.-полит. журн. – 2010. – № 8. – С. 31–34.

59. Курас Л. В. Панмонголизм и атаман Семенов // Владимирцовские чтения – IV. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 2000. – С. 68–74.

60. *Курас Л. В.* Панмонголизм как социокультурный фактор (первая четверть XX века) / Л. В. Курас, В. В. Бабаков // Вестн. Бурят. ун-та. Сер. 4, История. – 1997. – Вып. 1. – С. 32–42.

61. *Курас Л. В.* Синьхайская революция 1911–1913 гг. и Монголия: современная российско-монгольская историография // Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН. – 2015. – № 2 (18).

62. *Курас Л. В.* О роли российского дипломата И. Я. Коростовца в становлении Монгольского государства / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков // Монгол-оросын 1912 оны гэрээба И. Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. – Улаанбаатар хот, 2013. – С. 143–155.

63. *Ленин В. И.* Борьба партий в Китае // Полн. собр. соч. – 5 изд. – Т. 23.

64. *Ленин В. И.* Демократия и народничество в Китае // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т. 21.

65. *Ленин В. И.* Обновленный Китай // Полн. собр. соч. – 5 изд. – Т. 22.

66. *Ленин В. И.* О китайской революции // Полн. собр. соч. – 5 изд. – Т. 21.

67. *Ленин В. И.* Отсталая Европа и передовая Азия // Полн. собр. соч. – 5 изд. – Т. 23.

68. *Ленин В. И.* Пробуждение Азии // Полн. собр. соч. – 5 изд. – Т. 23.

69. *Ленин В. И.* Пробуждение Азии // Полн. собр. соч. – Т. 19.

70. *Ленин В. И.* VI («Правжская») Всероссийская конференция РСДРП, 5–17 (18–30) января 1912 г. // Полн. собр. соч. – Т. 17.

71. *Лиштованный Е. И.* Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии: культура и общество (XIX – 30-е гг. XX вв.) / Е. И. Лиштованный. – Улан-Удэ, 1998.

72. *Лиштованный Е. И.* Монголия в истории Восточной Сибири / Е. И. Лиштованный. – Иркутск, 2002.

73. *Лиштованный Е. И.* Монголия между 1911 г. и 1921 г.: взгляд из Сибири // Монголын 1921 оны хувьсгал ба орчинуйейн туухийнсудалгаа [Монгольская революция 1921 года и исследование современной истории] : сб. докл. Междунар. науч. конф. 6–7 июля 2011 г. – Улаанбаатар, 2012.

74. *Лиштованный Е. И.* Сибирь и Монголия в период деятельности И. Я. Коростовца // Монгол-оросын 1912 оны гэрээба И. Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. – Улаанбаатар хот, 2013. – С. 74–82.

75. *Ломакина И. И.* Монгольская столица, старая и новая (и участие России в ее судьбе) / И. И. Ломакина. – М. : Товарищество науч. изданий КМК, 2006. – 203 с.

76. *Лузянин С. Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. / С. Г. Лузянин. – М., 2000.

77. *Мажинский С. В.* Социально-экономическое и политическое развитие Внутренней Монголии в контексте модернизации Китая (1911–1976 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. В. Мажинский. – Томск, 2014. – 23 с.

78. *Мицц И. И.* История Великого Октября : в 3 т. / И. И. Мицц. – М. : Наука, 1977–1979.

79. *Михалев А. В.* Монгольская революция 1921 г. в советской и российской историографии / А. В. Михалев. – Улан-Удэ, 2006.

80. *Наками Т.* Семенов и монгольские войска // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – Т. 4.

81. *Нефедов С. А.* Концепция демографических циклов / С. А. Нефедов. – Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2007. – 141 с.

82. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946) : в 2 ч. – Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2008.

83. *Рощин С. К.* Политическая история Монголии (1921–1940) / С. К. Рощин. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 1999.

84. *Саблин И. В.* «Вильсоновский момент» на Восточном фронте: война, национализм и буддизм в Сибири и Монголии // Первая мировая война в «восточном измерении» : сб. ст. – М., 2014. – С. 135–136.

85. *Скачков П. Е.* Библиография Китая / П. Е. Скачков. – М., 1960. – С. 91–96.

86. *Старцев А. В.* Русская торговля в Монголии. Вторая половина XIX – начало XX в. / А. В. Старцев. – Барнаул, 2003. – С. 32–33.

87. *Урангуа Ж.* Провозглашение независимости Монголии. Победа национально-освободительной революции 1911 // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX вв.: экономика, дипломатия, культура : сб. науч. тр. – Улан-Батор ; Иркутск, 2013. – С. 143–151.

88. *Хишигт Н.* Монголо-Российские соглашения по вопросу об обучении монгольских войск (1911–1919) // Монгол-оросын 1912 оны гэрээба И. Я. Коростовец. Олонулсынэрдэмшинжилгээний бага хурлын материал. – Улаанбаатар хот, 2013. – С. 83–93.

89. *Цэцэгма Ж.* Бурятская национальная интеллигенция в становлении Монгольского государства в первой трети XX в / Ж. Цэцэгма. – Улан-Удэ : ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. – 231 с.

90. *Чудодеев Ю. В.* Синьхайская революция и крах монархии в Китае // Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации : сб. статей. – М., 2013. – С. 23–33.

91. *Ширендыб Б.* История Монгольской народной революции 1921 г. : пер. с монг. / Б. Ширендыб. – М., 1971.

92. *Ширендыб Б.* Минуя капитализм / Б. Ширендыб. – Улан-Батор, 1967.

93. *Ширендыб Б.* Монголия на рубеже XIX–XX вв. (История социально-экономического развития) / Б. Ширендыб. – Улан-Батор, 1963.

94. *Ширендыб Б.* Народная революция в Монголии и образование МНР. 1921–1924 / Б. Ширендыб. – М., 1956.

Литература на монгольском языке

95. *Батбаяр Ц.* 1912 оны Монгол-Оросын хэлэлцээр ба Юань Шикайн байр суурьтай холбоотой зарим // Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. – Улаанбаатар хот, 2013. – С. 105–119.

96. *Батсайхан О.* Монголын суулчийн эзээн хаан Богд Жавзандамбахутанг: Амьдрал бвдомог // Последний император Монголии Богдо Жавзандамба-хутухту: Жизнь и легенда. – Улан-Батор, 2011.

97. *Батсайхан О.* Монголын тусчаар тогтнол ба хятад, орос, монгол гурван улсын 1915 оны хиагтынгэрээ (1911–1916). – Улан-Батор, 2002.

98. *Батсайхан О.* Монгол Оросын 1912 оны найрамдлын гэрээба И. Я. Коростовец // Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. – Улаанбаатар хот, 2013. – С. 143–155.

99. *Батсайхан О.* Монголын суулчийн зцээн хаан VIII Богд Жавзандамба хувтгт. – Улаанбаатар, 2008.

100. *Батсайхан О.* 1911 оны үндэсний хувьсгал ба Монголын суулчийн эзэнхаан Богдо Жавзандамба хутагт. – Улаанбаатар, 2008.

101. *Дэндэв Л.* XX зууны Монголын туухийн эх сурвалж (Автономит Монгол улсын үеийн онцлог баримт бичгууд) // Источники по истории Монголии XX в. Особые документы по периоду автономии Монголии / под ред. О. Батсайхана. – Улан-Батор, 2003.

102. Отгонжаргал С. 1911, 1921, 1990 оны хувьсгал уудын залгамж холбооны всуудал // Монголын 1921 оны хувьсгал ба орчинүеийн туухийн судалгаа [Монгольская революция 1921 года и исследование современной истории] (Сборник докладов Международ. науч. конф.). 6–7 июля 2011 г. – Улаанбаатар, 2012.

103. *Пунсалдулам Б.* 1911, 1921 оны Монголын хувьсгал (Гадаадын туух бичлэгтйн тойм) / Б. Пунсалдулам, Н. Хишигт. – Улаанбаатар, 2007.

104. *Урангуа Ж.* События 1911 года в Китае и усиление антиманьчжурского движения монголов (Хятад дахь хэрэгүвдүүд ба манжиас салан тусгаарлах гэсэн монголчуудын тэмцлийн эхлэл) // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура : сб. науч. тр. – Улан-Батор ; Иркутск, 2013. – С. 152–155.

105. *Хишигт Н.* Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын үндэсний ардчилсан хувьсгалын туухийгн эхэн судлахай). – Улаанбаатар, 2011. – 299 с.

106. *Хишигт Н.* XX зууны монголын туухэнд 1921 оны хувьсгалын эзлэх байр суурь // Монголын 1921 оны хувьсгал ба орчин Үеийнт уухийн судалгаа (Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эмхтгэд). 2011 оны 7 дүгээр сарын 6–7. – Улаанбаатар, 2012. – С. 18–23.

The Pax Mongolica in the Early XXth Century During the Revolutionary Uprising : the Contemporary Russian – Mongolian Historiography

L. V. Kuras

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude

Abstract. Based on the contemporary Russian and Mongolian historiography, the article considers revolutionary activity in the Pax Mongolica in 1911–1921s. The author examines how it was influenced by the Russian Revolution of 1905–1907, the Xinhai Revolution of 1911–1913, and diplomatic efforts of the Foreign Ministry of the Russian Empire in particular by I. Y. Korotsovs and 8th Bogdo Dzhebzundamba-khutukhta. The last one resulted in signing such regulatory acts as the Russo-Mongolian Agreement of 1912, Russo-Chinese Declaration of 1913 and Kyakhta Tripartite Agreement. Moreover, it resulted in the development of the Pan-Mongolian movement, which later grew into Mongolian ideology. The author focuses on the historiography of the Russian Revolution of 1917, which affected dramatically the Mongolian Revolution of 1921.

Keywords: Pax Mongolica, revolutionary uprising, Russian-Mongolian historiography, Xinhai Revolution, Russo-Mongolian Agreement of 1912, Russo-Chinese Declaration of 1913,

Kyakhta Tripartite Agreement, Pan-Mongolism, Mongolian state, I. Y. Korostovets, 8th Bogdo Dzhebzundamba-khutukhta.

Курас Леонид Владимирович

*доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник*

*Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН*

*670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
тел.: 8(3012)65-51-37*

e-mail: kuraslv@yandex.ru

Kuras Leonid Vladimirovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Senior research associate*

*Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies SB RAS*

*6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047
tel.: 8(3012)65-51-37*

e-mail: kuraslv@yandex.ru